

## Состав преступления как онтологическая реальность непознанного бытия

**Аннотация.** В статье рассматриваются методологические проблемы понимания состава преступления в доктрине и современной науке уголовного права. Анализируются философские подходы к определению сути данного явления, влияние классической школы уголовного права на формирование таких понятий, как «преступление» и «состав преступления», раскрываются предпосылки и причины разноуровневого понимания состава преступления в дореволюционном и советском уголовном праве. Выявлено соотношение преступления и состава преступления (на основе признаков данных правовых понятий) и поставлены вопросы о нетождественном понимании одних и тех же явлений в уголовном праве. Автором констатируется, что состав преступления не может отождествляться с понятием «преступление» и являться основанием уголовной ответственности. Состав всегда представляет собой законодательную (нормативную) модель, а не реальность. Реальностью же является только совершенное преступление, которое и влечет возникновение соответствующих правоотношений. В конфликтных общественных отношениях, характеризующихся совершением противоправного преступного деяния, существует само преступление, но не состав этого преступления. Автор предлагает выделять состав в рамках признака противоправности преступления, а не преступления в целом. С этой точки зрения доказывается, что диспозиция уголовно-правовой нормы обуславливает модель конкретного противоправного деяния и его признаков (объективных и субъективных), так как в реальной жизни состав связан именно с теми признаками, которые описаны в диспозиции правовой нормы. Диспозиция не подменяет собой состав, наоборот — состав противоправности раскрывается в диспозиции уголовно-правовой нормы. Методы исследования: формально-догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой.

**Ключевые слова:** преступление; состав преступления; противоправность; вина; уголовная ответственность; признаки преступления; уголовный закон; квалификация преступлений; структура преступления; философия уголовного права.

**Для цитирования:** Хилjuta В. В. Состав преступления как онтологическая реальность непознанного бытия // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 12. — С. 131–144. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.131-144.

### Component Elements of a Crime as an Ontological Reality of Unknown Existence

**Vadim V. Khilyuta**, Cand. Sci (Law), Docent, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Yanka Kupala State University of Grodno  
ul. Ozheshko, d. 22, Grodno, Republic of Belarus, 230027  
tajna@tut.by

**Abstract.** The paper deals with methodological problems of understanding the component elements of a crime in the doctrine and modern science of criminal law. The author analyzes the philosophical approaches to determining the essence of this phenomenon, the influence of the classical school of criminal law on the formation of such concepts as "crime" and "component elements of a crime", reveals the prerequisites and reasons for the multi-level understanding of the component elements of a crime in pre-revolutionary and Soviet criminal law. The ratio between the crime and the component elements of a crime is revealed (based on the features of these legal concepts) and questions are raised about the non-identical understanding of the same phenomena in

© Хилjuta В. В., 2020

\* Хилjuta Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Я. Купалы ул. Ожешко, д. 22, г. Гродно, Республика Беларусь, 230027  
tajna@tut.by

criminal law. The author states that the component elements of a crime cannot be identified with the concept of "crime" and is the basis for criminal liability. The component elements are always a legislative (regulatory) model, not a reality. The reality is only a committed crime, which entails the emergence of the relevant legal relations. In conflict social relations characterized by the commission of an illegal criminal act, the crime itself exists, but not the component elements of this crime. The author suggests that the component elements should be distinguished within the scope of the crime's illegality, rather than the crime as a whole. From this point of view, it is proved that the disposition of the criminal law norm determines the model of a specific illegal act and its features (objective and subjective), since in real life the composition is associated with those features that are described in the disposition of the legal norm. The disposition does not replace the component elements, on the contrary, the component elements of illegality are revealed in the disposition of the criminal law norm. Research methods used in the course of the study are as follows: formal dogmatic, historical legal, comparative legal.

**Keywords:** crime; component elements of a crime; illegality; guilt; criminal liability; features of a crime; criminal law; classification of crimes; structure of crime; philosophy of criminal law.

**Cite as:** Khilyuta VV. Sostav prestupleniya kak ontologicheskaya realnost nepoznannogo bytiya [Component Elements of a Crime as an Ontological Reality of Unknown Existence]. *Lex russica*. 2020;73(12):131-144. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.131-144. (In Russ., abstract in Eng.).

### Классическая школа уголовного права и либерализм

Классическая школа уголовного права своим появлением во многом обязана эпохе буржуазных революций XVIII в. и развитием идей либерализма. Именно кардинальная смена парадигм во всех сферах общественной, политической, социальной жизни заставила многих изменить взгляд на природу уголовного права и реформативировать его фундаментальные понятия о преступлении и наказании. Если ранее уголовное право сливалось с частным правом и преступление означало причинение вреда индивиду (за основу принималась во внимание внешняя сторона поступка, действие конкретного лица), то в эпоху буржуазных революций и формирования основ классической школы уголовного права (преступление — это нарушение порядка в государстве) первостепенное значение стали уделять внутренней стороне преступного деяния (иначе говоря, вине).

Стало понятно, что прежнее уголовное право было казуистичным и не ограниченным в толковании судами того, что такое преступление и какую меру наказания следует применять. Все это тормозило экономическое и социально-политическое развитие устоев общества. Поэтому именно классическое (а не естественное) направление в уголовном праве породило известные принципы, которые уже давно стали аксиомами и которыми мы благополучно пользуемся по сей день: «нет преступления без указания на то в законе», «государство не может наказывать

человека за образ его мыслей», «нет аналогии уголовного закона», «не жестокость определяет наказание, а его неотвратимость» и т.д. Это, в свою очередь, сформировало в западной традиции права подход к определению преступления как исключительно противоправного (запрещенного) деяния. Если ранее преступление основывалось исключительно на общественно опасном поведении индивида, то уже в эпоху либерализма преступление стали связывать с запрещенностью деяния уголовным законом.

Однако в последующем возникла потребность обосновать суть самого преступления, раскрыть его структуру и характерные признаки. Собственно говоря, для этого и понадобилось использовать такое понятие, как состав преступления (в современном словоупотреблении и значении данной правовой категории). Впрочем, далеко не очевидно, что состав преступления раскрывает признаки этого фундаментального понятия и является его структурой.

В настоящее время становится очевидным, что философская концепция свободы воли, реализованная в основах классической школы уголовного права и зиждившаяся на идеях законности, равенства и справедливости, теряет свою роль, потому что на передний план выдвигается идея гуманизации и либерализации уголовного права, методологического плюрализма, закрепленного в основах проводимой уголовно-правовой политики. В таком ракурсе нередко используется инструментальный подход, в результате чего уголовно-правовые институты подвергаются ревизии<sup>1</sup>. Поэтому про-

<sup>1</sup> См.: Хилыута В. В. Глобальная инструментализация уголовного права. М., 2020. С. 4–8.

блема понимания состава преступления стала основываться на различных критериях оценки постулатов уголовно-правовой доктрины и неиндифферентной информации о сущности данного явления.

### Гносеологический подход к разноразмерному пониманию состава преступления

Состав преступления представляет одно из фундаментальных понятий уголовного права. Наряду с понятиями «преступление», «наказание», «уголовная ответственность», состав преступления является институциональной конструкцией, обеспечивающей автономность уголовного права и позволяющей структурировать инструментальное воплощение основных уголовно-правовых категорий в процессе квалификации преступлений.

Тем не менее, рассматривая сущность и содержание состава преступления, надо сказать о том, что понимание состава преступления всегда было неоднородным и во многом зависело не только от духа времени, в котором оно формировалось, но и от философских категорий применительно к сути самого преступления. Здесь сразу необходимо оговориться и указать на то, что состав преступления есть производная конструкция от понятия «преступление».

Подход к разноразмерному пониманию состава преступления был заложен представителями науки немецкой школы уголовного права, которые, собственно говоря, и сформулировали данную институцию. Традиционно в правовой литературе отмечается, что понятие *corpus delicti* ввел в научный оборот немецкий криминалист Кляйн. Однако данное понятие использовалось в процессуальном значении. Позже выдающийся германский ученый П. А. Фейербах использовал данное понятие (*Tatbestand*) для нужд уголовного права в материально-правовом смысле (существенных условий). Известно, что большое влияние на данное учение (*Tatbestand*) в исследовании П. А. Фейербаха оказала философия И. Канта, которая резко противопоставляла сущее и должное, объект — субъекту, объективное — субъективному.

Согласно данному учению состав преступления (*Tatbestand*) содержит только объективные признаки преступного деяния, а вина рассматривается в качестве самостоятельного условия уголовной ответственности.

Собственно говоря, данное учение о составе преступления (*Tatbestand*) является общепризнанным в германской уголовно-правовой литературе и законодательстве. В настоящее время в немецком уголовно-правовом понимании преступное деяние состоит из трех элементов: состава преступного деяния, элемента противоправности и элемента вины. Соответственно, преступным деянием становится содержащее состав действие, если оно в конкретном случае является противоправным и исполнитель действовал виновно<sup>2</sup>.

Действующее уголовное законодательство Германии основано на идее вины (которая фактически рассматривается как способность лица выбирать между преступным и не преступным вариантом поведения и не отождествляется с умыслом или неосторожностью) за отдельное деяние, и состав деяния рассматривается в рамках одного из элементов учения о преступлении. Таким образом, принципиальным признаком любого преступления является конкретно сформулированное поведение физического лица, соответствующее признакам, названным в определенной норме уголовного закона<sup>3</sup>. Поэтому первым этапом квалификации деяния является установление в поведении человека определенного деликта («соответствие составу закона»). Соответственно, состав деликта определяется на основании нормы Особенной части уголовного закона. Это буквально означает, что признак «соответствие составу закона» понимается как соответствие конкретного деяния законодательно определенным признакам состава закона, т.е. определенным в соответствующей норме<sup>4</sup>. В конечном счете состав деяния рассматривается как эффективная модель, позволяющая систематизировать обилие разноразличных уголовно-правовых запретов и сделать их содержанием как Уголовного кодекса ФРГ, так и дополнительного уголовного законодательства<sup>5</sup>. Это первое и одно из главных направлений в понимании сути состава преступления.

<sup>2</sup> См.: Головинков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2014. С. 13.

<sup>3</sup> См.: Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. М., 2013. С. 118.

<sup>4</sup> См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И. Д. Козочкина. М., 2003. С. 386.

<sup>5</sup> См.: Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 133.

Второе направление связано с идеями Гегеля о едином понимании внутреннего и внешнего. Так, внутреннее и внешнее не только тождественны друг другу по своему содержанию, но и противоположны одновременно<sup>6</sup>. Эта диалектика была воспринята рядом ученых Германии, в частности А. Ф. Бернером, Э. Белингом, которые, признавая единство объективного и субъективного, включали в понятие состава преступления как его объективное свойство (деяние), так и вину конкретного лица в качестве субъективного свойства в общем понятии преступления. В данном случае состав преступления (Tatbestand) нельзя признать совокупностью всех признаков преступления, а следует рассматривать как признаки преступления разного вида, которые описаны в Особенной части Уголовного кодекса<sup>7</sup>. Основная идея представителей данной школы заключается в том, что «состав принадлежит только закону, а не реальной действительности», вина включается в общее учение о составе преступления и само понятие виновности состоит в тесной связи с отношением воли виновного к объективным свойствам совершенного им противоправного деяния<sup>8</sup>.

В большинстве своем положения второй теории состава преступления оказали доминирующее воздействие на умы российских дореволюционных юристов (Н. С. Таганцева, В. В. Есипова, С. М. Будзинского, А. О. Кистяковского, В. Д. Спасовича и др.), которые во многом придерживались идей А. Ф. Бернера и выделяли в составе преступления объективные и субъективные признаки. Так, С. М. Будзинский отмечал: «Разделение состава преступления

на субъективный и объективный соответствует нашему воззрению, ибо основывается на различии внутренней и внешней стороны преступления»<sup>9</sup>. Состав преступления рассматривался как совокупность характерных признаков преступного деяния<sup>10</sup>; как существенно необходимые признаки, без которых или без одного из которых преступление немыслимо, — субъект, объект, внутренняя деятельность, внешняя деятельность субъекта и ее результат<sup>11</sup>. Главной особенностью исследований данного периода являлось именно то, что преступление и состав преступления рассматривались как единое целое (как система элементов и их признаков, которые образуют преступление), а их самостоятельность оценивалась как относительная — существующая лишь на уровне теоретического познания<sup>12</sup>. Такой подход позволял состав преступления (запрещенного деяния) соотносить с преступлением как необходимый признак последнего.

В советский период «преступление» и «состав преступления» были разделены, преступление характеризовалось как общественно опасное деяние, а состав преступления как совокупность элементов преступления, которые детализировали его признаки. Начиная с 50-х гг. XX в. в доктрине уголовного права началось «раздвоение» состава в его прежнем понимании как реального явления, ядра, структуры преступления и как законодательной модели (А. Н. Трайнин<sup>13</sup>). Вследствие этого и произошло удвоение оснований уголовной ответственности. Стали различать юридическое (состав преступления) и социальное (общественно опасное деяние) основание уголовной ответственности<sup>14</sup>.

<sup>6</sup> См.: Лун Чанхай. Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 12–13.

<sup>7</sup> См.: Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая : сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009. С. 244.

<sup>8</sup> См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 125–130 ; Коробеев А. И., Лун Чанхай. Философские основы учения о четырехэлементном составе преступления // Современное право. 2010. № 2. С. 26.

<sup>9</sup> Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. § 80.

<sup>10</sup> См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право (лекции). СПб., 1902. С. 366–367.

<sup>11</sup> См.: Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. СПб., 1875. С. 59.

<sup>12</sup> См.: Фильченко А. П. Развитие представлений о составе преступления как основании уголовной ответственности в отечественном уголовном праве // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 3. С. 191.

<sup>13</sup> См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.

<sup>14</sup> См.: Гонтарь И. Я. Концепция состава преступления в российском уголовном праве: сложившееся понимание и перспектива дальнейшего развития // Правоведение. 2008. № 3. С. 49 ; Актуальные проблемы уголовного права / отв. ред. А. И. Подройкина. М., 2016. С. 98.



Здесь надо сказать о том, что в советской уголовно-правовой доктрине состав преступления как фундаментальное понятие во многом противопоставлялся аналогичному понятию, существующему в немецкой правовой доктрине. Способствовала этому в немалой степени материалистическая диалектика (диалектическое понимание единства объективного и субъективного в поведении людей служит основой правильного понимания состава преступления), однако в большей степени это было связано с тотальной идеологизацией сферы общественной и политической жизни. Причем надо иметь в виду, что долгое время состав преступления разрабатывался на фоне аналогии уголовного права. Теперь же аналогии нет, в понятии преступления присутствует признак противоправности, но сама конструкция «состав преступления» сохранилась, как и соответствующий подход к его определению.

Однако советская уголовно-правовая наука требовала нового взгляда в разработке фундаментальных понятий и конструкций. Соответственно, необходима была и реальная институализация внеклассового уголовного права и его основных понятий. Вот здесь и проявился в полной мере элемент самодостаточности правовых конструкций советского государства и его теоретиков. В этом, можно сказать, и есть особый путь уголовного права советского периода. Поэтому новые правовые институты требовали четкого и ясного обоснования материальных и формальных конструкций уголовного закона.

Итак, в послевоенное время в науке советского уголовного права выработался подход, суть которого сводилась к тому, что состав преступления — это уже не совокупность признаков самого преступления, а нечто иное, хотя и тесно связанное по своей природе с преступлением. Это породило в последующем различные подходы к пониманию того, что такое состав преступления, является ли он основанием уголовной ответственности или системой уголовно-правовых запретов. Фактически, если вести речь о том, что состав являлся одним из признаков самого преступления с набором характерных системных элементов, то теперь он стал юридическим выражением преступления, неким элементом, стоящим рядом с понятием преступления, но не входящим в него. Состав

преступления стал рассматриваться как совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние как преступление.

Иначе говоря, состав преступления стал характеризоваться как то, из чего складывается само преступление, совокупность его частей или элементов, его структура, результат его структурированного анализа. Тем не менее за долгие годы полемики относительно содержания и места данного понятия выработались две диаметрально противоположные позиции в отношении понимания сути состава преступления.

*Первая* позиция сводится к тому, что состав преступления представляет собой научную абстракцию, понятийную категорию, некую информационную (законодательную) модель («состав принадлежит только закону, а не реальной действительности»). В данном случае состав преступления рассматривается как описание того или иного вида противоправного деяния (а фактически — преступления) в уголовном законе, он не выступает частью реальности (преступления). Состав преступления по отношению к самому преступлению выполняет служебную роль, необходимую для процесса правоприменения норм уголовного закона. Иначе говоря, состав преступления представляет собой своеобразный инструмент, позволяющий определять юридическую конструкцию общественно опасного деяния и делать вывод о том, что это деяние является преступлением<sup>15</sup>. Здесь состав преступления напоминает систему или упорядоченную совокупность признаков, содержащихся в уголовном законе и описывающих деяние как преступление.

Как указывал по этому поводу Ю. И. Ляпунов, общего состава преступления в социальной действительности не существует. Есть всего лишь понятие о нем, которое отражает в обобщенной форме предметы, явления, факты, процессы, существующие в реальной жизни, посредством фиксации их общих, типичных и специфических признаков<sup>16</sup>. Поэтому состав преступления — это всего лишь элемент уголовного закона, и он принадлежит исключительно закону, а не реальной жизни.

*Вторая* позиция состоит в том, что состав преступления есть явление объективной реальности, наряду с самим преступлением, и пред-

<sup>15</sup> См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2002. С. 77–78.

<sup>16</sup> См.: Ляпунов Ю. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты // Уголовное право. 2005. № 5. С. 44.

ставляет собой «систему объективных и субъективных элементов деяния, составляющих его общественную опасность»<sup>17</sup>. В данном случае концепция состава преступления — такая же социально-правовая реальность, как преступление и основание уголовной ответственности. От преступления его состав отличается лишь тем, что в состав входят обязательные составообразующие элементы, а преступление образуют как обязательные (без которых не существует ни один состав), так и факультативные элементы<sup>18</sup>. Таким образом, можно сказать, что состав преступления — это структура преступления, его систематизированная общественная опасность.

В пользу такого подхода говорит и статья 8 УК РФ, в которой буквально сказано, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Это позволяет делать вывод о том, что состав находится внутри преступления, является его квинтэссенцией<sup>19</sup>.

Однако в любом случае одни и те же нормы можно «читать» по-разному и выводить можно нетождественный контекст понимания того, что же представляет собой состав преступления (фактическую реальность, научную абстракцию или законодательную модель) и где же его место. В сегодняшней уголовно-правовой литературе доминирует первая точка зрения — нормативная, где состав преступления рассматривается как система объективных и субъективных признаков о преступлении.

### Взаимосвязь преступления и состава преступления

При анализе настоящей проблемы возникает самый естественный вопрос: каким же образом соотносятся между собой понятия «преступление» и «состав преступления»?

Ответы на поставленный вопрос могут быть разные, и все зависит от того, какой концепции придерживаются те или иные авторы. Например, В. В. Сверчков полагает, что «преступление» и «состав преступления» выражают одно и то же явление — преступное посягательство, только в разной степени обобщенности признаков<sup>20</sup>. Н. А. Лопашенко считает, что состав преступления не совпадает с преступлением по объему, характеризующим чертам и своей природе. Поэтому преступление и состав преступления соотносятся между собой как содержание и форма<sup>21</sup>. В. Д. Филимонов указывает, что состав как закрепленная в законе правовая конструкция включает в свое содержание не только признаки, имманентно присущие преступлению (объективные и субъективные признаки самого деяния), но и такие признаки, которые лишь характеризуют общественную опасность деяния<sup>22</sup>. М. С. Сирик говорит о том, что понятие преступления отражает общие, основные черты и признаки деяния, а состав преступления — это правовая категория, выраженная в диспозиции статьи уголовного закона и содержащая в себе признаки конкретного общественно опасного деяния<sup>23</sup>. Существуют и суждения, выражающие то, что состав преступления и есть понятие преступления в строгом смысле, т.к. за понятием «преступление» стоит материальный объект (поведение индивида), а за понятием «состав преступления» — идеальный объект<sup>24</sup>.

<sup>17</sup> Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007. С. 11.

<sup>18</sup> См.: Кузнецова Н. Ф., Цзян Хуэйлинь. Теория о составе преступления в Китае и России // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. 2009. № 6. С. 65.

<sup>19</sup> См.: Крылова Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. 2012. № 4. С. 40.

<sup>20</sup> Сверчков В. В. Соотношение понятий «состав преступления», «преступление» и «преступное посягательство» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 256.

<sup>21</sup> Лопашенко Н. А. Соотношение преступления и состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2007. С. 133.

<sup>22</sup> Филимонов В. Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 40.

<sup>23</sup> См.: Сирик М. С. Состав преступления как правовая категория // Закон и жизнь. 2018. № 3. С. 66.

<sup>24</sup> Муравлянский А. В., Большакова Е. В. Учение о составе преступления как основа квалификации преступления // Евразийский союз ученых. Юрид. науки. 2016. № 3. С. 32.

Тем не менее преступление есть реальный факт. И этот факт можно воспринимать по-разному и с различных точек зрения (правовой, философской, социологической и т.д.). Но если мы ведем речь о составе преступления, то очевидно, что состав не может быть фактом, он всего лишь модель преступления. То есть мы имеем дело с научной абстракцией, и таких абстракций может быть множество. Однако преступление всегда остается преступлением как бытийным явлением и никакие модели, абстракции не могут его подменить. Реальность всегда будет оставаться за преступлением, а виртуальность за всевозможными отвлеченными и искусственно созданными моделями (конструкциями): системой, составом, структурой преступления и т.д.

Если состав преступления представляет собой структуру преступления, то каким образом упорядочены их признаки и как они соотносятся между собой? Ведь если мы говорим о составе преступления, а в последующем о его элементах (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), а потом еще и о признаках состава преступления (предмет преступления, деяние, преступные последствия, причинная связь, мотив, цель, эмоциональное состояние, вменяемость и т.д.), то как эти признаки соотносятся с признаками преступления? По идее, все эти признаки состава преступления должны характеризовать само понятие преступления. Однако на деле все оказывается не совсем так.

Здесь же возникают вопросы и иного характера: состав преступления характеризует преступление в целом или его центральный признак — деяние, которое по определению должно включать в себя объективные и субъективные признаки. Если это действительно так, тогда непонятно, что характеризуют иные признаки в понимании преступления (например, вина).

Выводимость состава преступления из самого понятия «преступление» заставляет ученых искать аналогии и проводить водораздел между данными понятиями: «преступление» и «состав преступления». Между тем очевидно, что состав преступления произведен от понятия «преступление» и во многом наполняется содержанием постольку, поскольку зависим от структуры самого преступления. Тем не менее надо сказать, что и само понятие «преступление» неоднородно, так как оно может иметь различные аспекты и делать упор на обще-

ственной опасности противоправного поведения или на противоправности деяния, а может совмещать в себе и то и другое.

Понятно, что если мы выводим состав преступления из формулы «преступление — общественно опасное деяние», то с содержательной стороны такой состав обладает своеобразным набором элементов и признаков и совсем не тождественен пониманию формулы «преступление — противоправное (запрещенное) деяние». Следствием чего является и различный подход к тому, что является основанием уголовной ответственности: преступление как общественно опасное деяние, как реальный факт или же состав преступления, который содержит в себе все его признаки? По этому поводу возникает еще один вопрос: говорим мы всё же об одном и том же или о разных явлениях (преступление и состав преступления)? Если допустить, что речь все-таки идет об одном и том же, тогда одно из понятий является лишним, а если речь идет о разных явлениях, то необходимо искать их отличительные черты (своеобразие в признаках). Однако если мы к этому не прибегаем или, напротив, не находим этого различия, то тем самым порождается неопределенность в формуле того, что является основанием уголовной ответственности и действительно ли таким основанием выступает состав преступления?

В выявлении онтологического соотношения понятий «преступление» и «состав преступления» мы должны исходить из известной аксиомы. Анализ того или иного явления необходимо проводить по схеме: сущность — содержание — структура. Однако в этой плоскости возникает еще один вопрос: если согласно данной схеме мы начнем анализировать понятие «преступление», где здесь место составу преступления?

Получается, что состав преступления и есть само преступление. Однако зачем тогда утяжелять правовые конструкции и фактически одно и то же явление именовать по-разному, потому как составом преступления подменяется само содержание преступления? Конечно, можно было бы сказать, что преступление отражает социально-политическую составляющую, а состав преступления характеризует юридическую форму преступления. Однако в уголовном законе отражена юридическая форма или же социально-политическая характеристика преступления? Если состав преступления и преступление совпадают по объему, то теряется всякий смысл в их совместном существовании, т.к. они обозначают одно явление.



С другой стороны, почему именно деяние должно образовывать преступление? Понятно, что преступление — это неправомерное поведение человека, т.е. само поведение человека может быть правомерным и неправомерным. Однако в этой ситуации мы же не говорим «правомерное деяние», не характеризуем его и не даем соответствующие характеристики и отсюда не выводим его определение. Речь идет о позитивном поведении человека. Равным образом это должно относиться и к неправомерному поведению — преступлению или правонарушению.

Состав не может содержаться в самом деянии, и используемая законодателем формула «деяние, содержащее все признаки состава преступления» (ст. 8 УК РФ), не совсем корректна. При констатации совершения преступления как такового мы в первую очередь устанавливаем, запрещено ли содеянное уголовным законом, а лишь потом свидетельствуем, что это деяние не только противоправно, но еще и общественно опасно<sup>25</sup>. И только тогда можно вести речь о совершении преступления (как такового), а не проступка или правонарушения.

### Состав преступления как основание уголовной ответственности

Сегодня констатируется, что состав преступления является основанием уголовной ответственности. Это следует из самого уголовного закона и во многом считается общепризнанным фактом. Такой вывод вполне можно сделать, прибегнув к анализу ст. 8 УК РФ, исходя из чего преступление признается таковым не само по себе, а лишь через призму соответствующего состава преступления, и в этом, как отмечается в правовой литературе, кроется его уголовно-правовая сущность<sup>26</sup>. Как некогда отмечал по этому поводу А. А. Пионтковский, «признание состава преступления единственным основа-

нием уголовной ответственности означает, что лишь в пределах состава преступления можно различать объективные и субъективные основания уголовной ответственности»<sup>27</sup>. Таким образом, по факту мы сегодня имеем двойное основание уголовной ответственности. Первое представляет собой *общественное опасное деяние* как факт объективной действительности, а второе выражает юридическое основание — *деяние, содержащее все признаки состава преступления*, указанные в правовой норме как законодательном понятии<sup>28</sup>.

Однако если состав преступления является основанием уголовной ответственности, то чем тогда является преступление? Подчеркнем, состав преступления — это идеальная модель, научная абстракция, но не факт. Фактом же является только преступление. Именно совершение преступления порождает наличие уголовно-правовых отношений и влечет наступление последствий — уголовной ответственности<sup>29</sup>. Нередко ответ на данный вопрос криминалистами предлагается в той плоскости, что преступление характеризует социальную сущность уголовно-наказуемого деяния, а состав преступления раскрывает его юридическую структуру<sup>30</sup>. Формула здесь очень проста: преступление — это реальное явление, а состав — юридическое понятие этого явления.

Тем не менее в данном ракурсе состав преступления искусственно расчленяется на социальное содержание и его нормативную форму, где содержание и форма объявляются двумя основаниями уголовной ответственности. Однако социальное не может существовать вне своей юридической формы, поскольку оно получает отражение в самом праве (законе)<sup>31</sup>. Если мы, допустим, уберем состав преступления (или заменим его на иную категорию), от этого суть преступления не изменится, и преступление останется таковым. А вот если убрать само преступление, то состав останется нежизнеспособной конструкцией, не имеющей под собой

<sup>25</sup> По-видимому, это и дало А. В. Иванчину повод утверждать о том, что общественная опасность содержится за рамками состава преступления (*Иванчин А. В.* Состав преступления. Ярославль, 2011. С. 33).

<sup>26</sup> См.: Уголовное право: Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2008. С. 186; Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987. С. 41–42.

<sup>27</sup> См.: *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 107.

<sup>28</sup> *Кригер Г.* Состав преступления и его значение // Советская юстиция. 1982. № 6. С. 8–9.

<sup>29</sup> См.: *Гонтарь И. Я.* Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 61.

<sup>30</sup> См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. С. 77.

<sup>31</sup> См.: *Ляпунов Ю.* Указ. соч. С. 45.



основания для привлечения лица к уголовной ответственности.

На наш взгляд, основанием уголовной ответственности является преступление, а не деяние (как реальный факт), содержащее признаки состава (абстрактный факт). Не может в данном случае факт лишь наполовину быть таковым, а наполовину — нет. Модель научной абстракции содержится в диспозиции уголовно-правовой нормы. Однако эта модель — неполная. Так как, говоря о составе запрещенного деяния, мы принимаем во внимание признаки, содержащиеся не только в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы Особенной части Уголовного кодекса, но и в Общей части Уголовного кодекса (положения о субъекте, вменяемости, форме вины и т.д.). Потому что лишь некоторые из этих признаков включены в понятие преступления (вина, деяние), а остальные — нет. Возникает естественный вопрос: почему? Неужели все эти элементы состава преступления характеризуют в том числе и признаки самого преступления? Если еще с некоторой оговоркой это допустить можно, ведя речь о противоправности и общественной опасности, то применительно к вине, наказанию и самому деянию как центральному признаку преступления никак нельзя. Потому что не может вина характеризовать вину, а деяние — деяние как признак объективной стороны состава преступления. Если это не так, тогда в понимание вины и деяния как признаков преступления следует вкладывать совсем иной смысл, нежели тот, который фигурирует при описании элементов и признаков состава преступления. Однако вряд ли допустима ситуация, когда одни и те же термины определяют различные по классу и содержанию явления.

Определяя преступление, законодатель, безусловно, описывает признаки конкретного преступления в диспозиции уголовно-правовой нормы. Но делает он это не по формуле «состав преступления», в смысле описания всех объективных и субъективных признаков конкретного противоправного деяния. Законодатель в уголовно-правовой норме Особенной части Уголовного кодекса вовсе не перечисляет и не указывает каждый раз на объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону состава преступления, а, напротив, указывает лишь на наиболее значимые (главные) призна-

ки конкретного противоправного деяния (и в большинстве случаев это признаки объективной стороны), которые будут характеризовать то или иное поведение человека именно как преступление. Другие же элементы состава (объект, субъект, субъективная сторона) или его признаки чаще всего презюмируются (или подразумеваются), т.е. они как бы выводятся из положений Общей части Уголовного кодекса.

Если нет состава преступления, то лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности? Но если есть преступление, признаки которого описаны в уголовном законе, то причем же здесь состав? Главное состоит именно в том, что лицо совершило преступление, признаки которого описаны в законе. Не будет преступления как такового, не будет речь идти и о признаках или элементах состава преступления, т.к. мы не установили самого факта, а не его отражения. Следовательно, состав есть инструмент познания преступления и его противоправности.

Более того, в конфликтных общественных отношениях, характеризующихся совершением противоправного преступного деяния, существует само преступление, но не состав этого преступления. Сам по себе состав преступления запрета или позитивного обязывания не содержит<sup>32</sup>.

### **Состав преступления как воплощение противоправности**

Говоря о том, что состав преступления характеризует главным образом признак противоправности преступления, мы должны отметить следующее. На наш взгляд, состав преступления не может выражать общественную опасность, потому как общественную опасность формируют совсем иные критерии. Любое правонарушение имеет свой состав, как преступление, так и проступок, однако степень их вредоносности (или опасности) весьма разная. Поэтому состав определяет противоправность преступного поведения и «разливается» в диспозиции уголовно-правовой нормы. Общественная опасность возводит то или иное деяние в ранг преступления, а вот формальное установление признаков такого деяния остается за противоправностью, и именно в рамках противоправности как запрещенного деяния (поведения) мы выявляем со-

<sup>32</sup> См.: *Великосельская И. Г.* Состав правонарушения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 18.

став, наполняем его характерными элементами и признаками.

Ярким примером может служить понятие «малозначительность деяния» (ч. 2 ст. 14 УК РФ). При малозначительности деяния мы констатируем, что признаки состава в действиях лица есть, однако нет преступления, и именно потому, что деяние не представляло общественной опасности, оно не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым интересам. То есть если мы говорим о составе преступления, то очевидно, что никак не о составе общественной опасности совершенного деяния. То же самое можно сказать и применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, в некоторой степени и к добровольному отказу от доведения преступления до конца.

В этой связи некоторые правоведы указывают на то, что в таком случае состав ничем не отличается от диспозиции уголовно-правовой нормы, которая и описывает признаки состава преступления<sup>33</sup>. Однако заметим, что в норме уголовного права (диспозиции конкретной статьи Особенной части УК) не дается описания всех элементов состава преступления. Ряд признаков любого состава описан за рамками диспозиции уголовно-правовой нормы (например, в гипотезе). Как бы нам ни хотелось, но сегодня ни одна диспозиция не содержит описания всех признаков конкретного состава преступления. В этом и нет нужды, т.к. в диспозиции уголовно-правовой нормы содержатся лишь главные (существенные) признаки конкретного преступления, которые и выделяют то или иное деяние (поведение человека) и относят его к разряду преступных. Все же элементы состава познаются с учетом положений Общей части уголовного закона, и делается это с позиции законодательной экономии текста нормы права и юридической техники построения уголовно-правовых норм. В диспозиции уголовно-правовой нормы описано правило поведения, соблюдение которого является обязательным, формируется запрет и позитивное обязывание, однако никак не состав преступления.

Если понятием состава преступления характеризуется само деяние, если состав преступления есть структура деяния, тогда не совсем

понятна двойная конструкция преступления. Так как, с одной стороны, мы определяем, что преступление это есть деяние, которое является общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым, а с другой стороны, говорим о том, что преступление есть то же деяние, но характеризующееся объективными и субъективными признаками. Причем эти признаки неравнозначны и не совпадают по объему. Тем не менее основная функция состава сводится не к установлению того, что есть преступление и что таковым не является, а состоит совсем в ином. Состав является основанием для квалификации преступления.

Наличие же в понятии преступления таких элементов (признаков), как общественная опасность и противоправность, порождает двойственность самого состава, потому что становится непонятным, к чему состав относится: к общественной опасности или к противоправности либо же и к тому и к другому. Очевидно, что в такой ситуации мы не можем совмещать несовместимое и характеризовать преступление как двойную модель: и теоретическую абстракцию, и реальный факт.

Если законодатель определяет преступление как общественно опасное и противоправное деяние, то никак нельзя абстрактные признаки этого преступления именовать составом преступления. И как отмечают В. И. Морозов и С. Г. Лосев, систему признаков, построенную из признаков деяния, которое запрещено уголовным законом под страхом наказания, уместно тогда определять словосочетанием «состав запрещенного законом деяния»<sup>34</sup>. В таком ракурсе состав запрещенного деяния характеризует именно противоправность преступления, т.к. состав всегда представляет собой законодательную модель, а не реальность. Реальностью является только совершенное преступление, которое и влечет возникновение соответствующих правоотношений, а не состав преступления. Нет преступления, нет и его признаков. В практике же мы можем встретить ситуации, когда в тексте уголовного закона определяются признаки конкретного преступления, но в действительности по этой норме никто к ответственности не привлекается и таких преступлений вообще не регистрируется. Преступления нет, но состав этого преступления мы выводим,

<sup>33</sup> См.: Кузнецова Н. Ф., Цзян Хуэйлинь. Указ. соч. С. 64.

<sup>34</sup> См.: Морозов В. И., Лосев С. Г. Понятие состава преступления в отечественной теории уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2. С. 20.

а точнее состав запрещенного поведения — противоправного деяния.

Следовательно, вести речь необходимо не о составе преступления, а о составе противоправности (где устанавливается система объективных и субъективных признаков). Сегодня определять то, что именно является преступлением, можно лишь на основе описания признаков деяния в тексте уголовно-правовой нормы. Поэтому состав есть не что иное, как уголовная противоправность.

Помимо этого, если все же состав есть научная абстракция и типовая модель, то в такой плоскости можно конструировать любую типовую или общую модель состава (двух-, трех-, четырехзвенную и т.д.) и в обоснование этого процесса избирать любые постулаты, которые могут доказывать и опровергать избираемые теоретические конструкции. Практический смысл в этом только один: состав необходим для разложения преступления на моделируемые части и квалификации совершенного преступления в соответствии с уголовно-правовой нормой. Эта категория удобна для правоприменителя, поскольку ему известен общий набор составляющих любого противоправного деяния.

Чисто с практической точки зрения законодатель не обращается к составу преступления при формулировании уголовно-правовой нормы. Это действительно так, ибо он видит существующее в обществе общественно опасное поведение и описывает его признаки (в соответствии с необходимым криминальным содержанием) в соответствующей диспозиции уголовно-правовой нормы<sup>35</sup>. С этой точки зрения уголовная противоправность — это объективное и субъективное единство. Более того, именно диспозиция обуславливает модель конкретного противоправного деяния и его признаков (объективных и субъективных), т.к. в реальной жизни состав связан именно с теми признаками, которые описаны в диспозиции правовой нормы. Диспозиция не подменяет собой состав, наоборот — состав противоправности раскрывается в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Констатируя изложенное, отметим, что основанием уголовной ответственности является преступление, а не состав преступления, и выделять состав следует в рамках признака противоправности преступления, а не преступления в целом.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы уголовного права / отв. ред. А. И. Подройкина. — М., 2016. — 560 с.
2. Будзинский С. Начала уголовного права. — Варшава, 1870. — 376 с.
3. Великосельская И. Г. Состав правонарушения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2010. — 28 с.
4. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. — М., 2014. — 312 с.
5. Гонтарь И. Я. Концепция состава преступления в российском уголовном праве: сложившееся понимание и перспектива дальнейшего развития // Правоведение. — 2008. — № 3. — С. 41–51.
6. Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. — Владивосток, 1997. — 200 с.
7. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. — М., 2006. — 560 с.
8. Иванчин А. В. Состав преступления. — Ярославль, 2011. — 128 с.
9. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. — СПб., 1875. — 413 с.
10. Козлов А. П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. — М., 2018. — Кн. 1. — 752 с.
11. Коробеев А. И., Лун Чанхай. Философские основы учения о четырехэлементном составе преступления // Современное право. — 2010. — № 2. — С. 25–28.
12. Кригер Г. Состав преступления и его значение // Советская юстиция. — 1982. — № 6. — С. 8–9.
13. Крылова Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. — 2012. — № 4. — С. 26–43.
14. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. — М., 2007. — 336 с.
15. Кузнецова Н. Ф., Цзян Хуэйлинь. Теория о составе преступления в Китае и России // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. — 2009. — № 6. — С. 62–74.

<sup>35</sup> См.: Козлов А. П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. М., 2018. Кн. 1. С. 139.

16. Лопашенко Н. А. Соотношение преступления и состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч. практ. конференции / отв. ред. А. И. Рарог. — М., 2007. — С. 128–134.
17. Лун Чанхай. Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2009. — 29 с.
18. Ляпунов Ю. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты // Уголовное право. — 2005. — № 5. — С. 44–48.
19. Морозов В. И., Лосев С. Г. Понятие состава преступления в отечественной теории уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — № 2. — С. 16–21.
20. Муравлянский А. В., Большакова Е. В. Учение о составе преступления как основа квалификации преступления // Евразийский союз ученых. Серия : Юрид. науки. — 2016. — № 3. — С. 32–34.
21. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — М., 1961. — 666 с.
22. Сверчков В. В. Соотношение понятий «состав преступления», «преступление» и «преступное посягательство» // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2012. — № 17. — С. 254–257.
23. Сирик М. С. Состав преступления как правовая категория // Закон и жизнь. — 2018. — № 3. — С. 64–72.
24. Таганцев Н. С. Русское уголовное право (лекции). — СПб., 1902. — Т. 1. — 815 с.
25. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. — М., 1957. — 361 с.
26. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И. Д. Козочкина. — М., 2003. — 576 с.
27. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. — М., 2002. — 511 с.
28. Уголовное право : Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко. — М., 2008. — 720 с.
29. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. — М., 1987. — 276 с.
30. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая : сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. — СПб., 2009. — 549 с.
31. Филимонов В. Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления // Уголовная юстиция. — 2018. — № 12. — С. 40–45.
32. Фильченко А. П. Развитие представлений о составе преступления как основании уголовной ответственности в отечественном уголовном праве // Вестник Владимирского юридического института. — 2013. — № 3. — С. 190–195.
33. Фриштер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. — М., 2013. — 712 с.
34. Хиллута В. В. Глобальная инструментализация уголовного права. — М., 2020. — 240 с.

*Материал поступил в редакцию 11 июля 2020 г.*

## REFERENCES

1. Podroykina AI. Aktualnye problemy ugovornogo prava [Current issues of criminal law]. Moscow; 2016. (In Russ.)
2. Budzinskiy S. Nachala ugovornogo prava [The beginning of criminal law]. Warsaw; 1870. (In Russ.)
3. Velikoselskaya IG. Sostav pravonarusheniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Component elements of a crime. Author's abstract of Cand. Sci. (Law) Thesis]. Kazan; 2010. (In Russ.)
4. Golovenkov PV. Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyy kodeks) Federativnoy Respubliki Germaniya: nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona [Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Scientific and practical commentary and translation of the law]. Moscow; 2014. (In Russ.)
5. Gontar IYa. Kontseptsiya sostava prestupleniya v rossiyskom ugovornom prave: slozhivsheesya ponimanie i perspektiva dalneyshego razvitiya [The concept of corpus delicti in Russian criminal law: Current understanding and prospects for further development]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2008;3:41-51. (In Russ.)
6. Gontar IYa. Prestuplenie i sostav prestupleniya kak yavleniya i ponyatiya v ugovornom prave [A Crime and Component Elements of a Crime as Phenomena and Concepts in Criminal Law]. Vladivostok; 1997. (In Russ.)
7. Zhalinskiy AE. Sovremennoe nemetskoe ugolovnoe pravo [Modern German criminal law]. Moscow; 2006. (In Russ.)
8. Ivanchin AV. Sostav prestupleniya [Component elements of a crime]. Yaroslavl; 2011. (In Russ.)



9. Kistyakovskiy AF. Elementarnyy uchebnik obshchego ugolovnogogo prava [Elementary textbook on general criminal law]. St. Petersburg; 1875. (In Russ.)
10. Kozlov AP. Avtorskiy kurs ugolovnogogo prava. Chast Obshchaya [Author's Course on Criminal Law. General Part]. Book 1. Moscow; 2018. (In Russ.)
11. Korobeev AI, Lun Chanhai. Filosofskie osnovy ucheniya o chetyrekhelementnom sostave prestupleniya [Philosophical foundations of the doctrine of the four-element composition of crime]. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2010;2:25-28. (In Russ.)
12. Krieger G. Sostav prestupleniya i ego znachenie [Component elements of a crime and their significance]. *Sovetskaya yustitsiya*. 1982;6:8-9. (In Russ.)
13. Krylova NE. Diskussionnye voprosy ucheniya o sostave prestupleniya [Discussion questions of the doctrine of the component elements of a crime]. *Vestnik MGU. Seriya 11: Pravo [The Moscow University Herald Series 11: Law]*. 2012;4:26-43. (In Russ.)
14. Kuznetsova NF. Problemy kvalifikatsii prestupleniy [Problems of crime classification]. Moscow; 2007. (In Russ.)
15. Kuznetsova NF, Jiang Huilin. Teoriya o sostave prestupleniya v Kitae i Rossii [Theory on the component elements of a crime in China and Russia]. *Vestnik MGU. Seriya 11: Pravo [The Moscow University Herald Series 11: Law]*. 2009;6:62-74. (In Russ.)
16. Lopashenko NA. Sootnoshenie prestupleniya i sostava prestupleniya [The ratio of the crime and the components elements of a crime]. In: Rarog AI, editor. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: Materialy 4-y Mezhdunar. nauch. prakt. konferentsii [Criminal law: Development strategy in the 21st century: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference]*. Moscow; 2007. (In Russ.)
17. Long Chang Hai. Uchenie o sostave prestupleniya po ugolovnomu pravu KNR i Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The doctrine of the component elements of a crime under the criminal law of the PRC and Russia: Comparative legal research: Author's Abstract of Cand. Sci. (Law) Thesis]. Vladivostok; 2009. (In Russ.)
18. Lyapunov Yu. Sostav prestupleniya: gnoseologicheskiy i sotsialno-pravovoy aspekty [Component elements of a crime: Epistemological and socio-legal aspects]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2005;5:44-48. (In Russ.)
19. Morozov VI, Losev SG. Ponyatie sostava prestupleniya v otechestvennoy teorii ugolovnogogo prava [The concept of corpus delicti in the Russian theory of criminal law]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal science and law enforcement practice]*. 2017;2:16-21. (In Russ.)
20. Muravlyanskiy AV, Bolshakova EV. Uchenie o sostave prestupleniya kak osnova kvalifikatsii prestupleniya [The doctrine of the component elements of a crime as the basis for the classification of a crime]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh. Seriya: Yurid. nauki [Eurasian Union of Scientists. Series: Legal Sciences]*. 2016;3:32-34. (In Russ.)
21. Piontkovskiy AA. Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu [A Study on a Crime according to the Soviet Criminal Law]. Moscow; 1961. (In Russ.)
23. Sverchkov VV. Sootnosheniya ponyatiy «sostav prestupleniya», «prestuplenie» i «prestupnoe posyagatel'stvo» [Relations between the concepts of "component elements of a crime", "crime" and "criminal encroachment"]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2012;17:254-257. (In Russ.)
23. Sirik MS. Sostav prestupleniya kak pravovaya kategoriya [Component elements of a crime as a legal category]. *Zakon i zhizn [Law and life]*. 2018;3:64-72. (In Russ.)
24. Tagantsev NS. Russkoe ugolovnoe pravo (lektsii) [Russian criminal law (Lectures)]. St. Petersburg; 1902. Vol.1. (In Russ., abstract in Eng.).
25. Traynin AN. Obshchee uchenie o sostave prestupleniya [General doctrine of the component elements of a crime]. Moscow; 1957. (In Russ.)
26. Kozochkin ID. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaya chast [Criminal law of foreign countries. General part]. Moscow; 2003. (In Russ.)
27. Rarog AI, editor. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast [Criminal law of the Russian Federation. General part]. Moscow; 2002. (In Russ.)
28. Kozachenko IYa, editor. Ugolovnoe pravo: Obshchaya chast [Criminal law: General part]. Moscow; 2008. (In Russ.)
29. Kudryavtsev VN, Kelin SG, editors. Ugolovnyy zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya [Criminal law. Experience of theoretical modeling]. Moscow; 1987. (In Russ.)

30. Komissarov VS, Korobeev AI, Heh Benson, editors. Uchenie o sostave prestupleniya v ugovnom prave Rossii i Kitaya: sravnitelno-pravovoe issledovanie [The doctrine of the component elements of a crime in the criminal law of Russia and China: Comparative legal research]. St.Petersburg; 2009. (In Russ.)
31. Filimonov VD. Voploshchenie genezisa prestupleniya v pravovom sodержanii sostava prestupleniya [Embodiment of the genesis of the crime in the legal content of the components elements of a crime]. *Ugolovnaya yustitsiya [Criminal justice]*. 2018;12:40-45. (In Russ.)
32. Filchenko AP. Razvitie predstavleniy o sostave prestupleniya kak osnovanii ugovnoy otvetstvennosti v otechestvennom ugovnom prave [Development of ideas about the component elements of a crime as the basis for criminal liability in domestic criminal law]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of Vladimir Law Institute]*. 2013;3:190-195. (In Russ.)
33. Frister G. Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast [Criminal Law. General part]. Moscow; 2013. (In Russ.)
34. Khilyuta VV. Globalnaya instrumentalizatsiya ugovnogo prava [Global instrumentalization of criminal law]. Moscow; 2020. (In Russ.)